

ЛЕОКА
ХАБАРОВА

ЖУТКАЯ
ЖЕНА

18+

Леока Хабарова

Жуткая Женя

«Автор»

2026

Хабарова Л.

Жуткая Женя / Л. Хабарова — «Автор», 2026

Удивительная история Вовы Лухманова, который в считанные дни перевоплотился из влюблённого терпилы в могущественного чернокнижника и, в сопровождении зомби-красавицы и говорящего пса, отправился в Астрахань искать смысл сущего. **ВНИМАНИЕ** Повесть написана в жанре **УЖАСЫ**. Текст содержит пугающие, мерзкие, отталкивающие и шокирующие сцены. Людям с тонкой душевной организацией читать противопоказано! **ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ ЖЕСТОКОСТИ И НАСИЛИЯ.**

© Хабарова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Из жизни чернокнижников	6
Глава вторая. Принцесса и влюбленный рыцарь	9
Глава третья. До больницы далеко	12
Глава четвертая. Страшный диагноз	14
Глава пятая. Сны и реальность	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Леока Хабарова

Жуткая Женя

О, безликий товарищ, мне нравится твой стимул ловить, стимул ломать, стимул топить, твой стимул карать... (с) Егор Летов. Боевой стимул

Глава первая. Из жизни чернокнижников

Ветер пах дымом. Тучи набухли, готовые опростаться тяжелыми каплями. Брат Габриэл кутался в тёмный плащ, да всё без толку: холод пробирал до костей. Руки и ноги совсем занемели. На зубах скрипел пепел.

Варлока приковали цепями к столбу из морёного дуба. После ночи, проведённой на дыбе, чародей побледнел и осунулся, но ехидная скабрзная ухмылка не сходила с его лица.

Он смотрит на нас, как на собачье дерьмо, подумал Габриэл и крепче сжал святое распятие.

Экзекуцию назначили на самый тёмный предрассветный час, однако приготовления затянулись. А ведь каждая упущенная секунда – шанс для чернокнижника. Он хитер, опасен, беспощаден и жесток, как его зверь...

Не смотри на него, твердил себе Габриэл. Не смотри. Не смотри!

– Я уже устал ждать, – прохрипел варлок. На разбитых губах запеклась кровь. – А ты? Братья, поди, передумали да бросили тебя здесь одного. Погляди, как мрачен монастырь. Ни одного огня.

– Молчи, – угрюмо буркнул Габриэл и машинально кинул взор на цитадель. А ведь изувер прав. Узкие окна-бойницы чернели на сером теле обители. Цепь факелов над крепостной стеной погасла, и даже башня магистра, где денно и ночью горела тысяча свечей, стояла тёмная, словно логово призраков. Куда все подевались? Неужели и впрямь позабыли о нём? Оставили одного с этим чудовищем?

– Поверил... – варлок затрясся от беззвучного смеха. – Слабоват ты для пса господнего, слабоват... Знаешь, что говорит о тебе магистр?

Габриэл отвернулся, зажмурился и принялся читать молитву.

– А знает твой духовный наставник о той девице из старого города? – слова чернокнижника теперь звучали в голове. – Следы её ноготков до сих пор алеют на твоей спине.

– Заткни пасть!

– Её сладкую щель ты представляешь, лаская себя по ночам?

– Заткни пасть, или я удавлю тебя прямо здесь и сейчас, гнида! – молитвы утратили силу.

Габриэл вскипел от гнева.

Чернокнижник запрокинул голову, насколько позволяли путы, и разразился смехом.

Габриэл уже шагнул вперёд. Уже протянул руки к белому горлу хохочущего пленника...

– Он только этого и ждёт, сын мой. – Тяжёлая длань легла на плечо. Магистр ордена господних псов хмуро взглянул на варлока. – Твои штучки не имеют здесь силы, Эрхар.

– Как и твои, Михаэль, – парировал чёрный маг. – Сколько раз ты убивал меня? Я уже сбился со счёта.

Магистр не ответил. Он вытащил из заплочных ножен тяжелый двуручный клеймор и вогнал в стылую землю. Руки в мягких замшевых перчатках легли на крестообразную рукоять. Михаэль молчал. Затих и варлок. Только ветер выл над пустошью, как раненый зверь.

Скорей бы всё это кончилось, взмолился Габриэл. Братство охотилось за чернокнижником Эрхаром семь долгих лет. И семь лет варлок ускользал, как вода сквозь пальцы. Они ловили его, топили, душили, жгли на кострах, однако Эрхар возрождался вновь и вновь, как феникс из пепла. Но теперь... Теперь ему не уйти.

Наконец, Габриэл увидел ручеёк огненных сполохов. Братья шли от обители к пустоши, и каждый нёс в руке факел. Сколько их! Сотни огней тянулись вереницей по тёмной тропе. Шествие сопровождал лязг цепей, грохот и утробное рычание. Только сейчас на осунувшемся лице чернокнижника отразилось удивление.

– Вы взяли Поедуна, – изрёк он, и это был не вопрос.

Магистр хмыкнул.

Братья достигли места казни. Глубокие капюшоны скрывали их лица. Плащи хлопали на промозглом ветру, словно крылья. Семеро послушников везли на телеге огромную клетку, в которой бесновалось создание, наречённое Поедуном.

Габриэл взглянул на чудище и тут же отвернулся. Он видел эту тварь не впервые, но всякий раз содрогался от ужаса и омерзения.

Поедун. Демон, вырванный варлоком из тьмы миров. Ненасытный пожиратель плоти. Огромный и несуразный, как древние пещерные гиены, Поедун, шипя, метался по клетке, цепляясь за прутья. Чёрная шерсть монстра вздыбилась, из открытой пасти капала желтоватая слюна. Загрибок покрывали шипы, не менее острые, чем иглоподобные зубы демона. Чудище топорщило кожистые перепончатые крылья и исступлённо мотало безглазой мордой, не в силах высвободиться.

Габриэл знал: демона сдерживает магия братства: святая и древняя, как монастырь господних псов.

Клетку миньона поставили рядом с прикованным к столбу хозяином. Варлок укоризненно глянул на поверженного слугу и плотно сжал разбитые губы.

– Эрхар Душегуб, урождённый Клей. – Голос Магистра Михаэля, оглашающего приговор, гремел, как камнепад. – Ты обвиняешься в колдовстве и ереси. Мрачным делам твоим несть числа. Ты убивал младенцев и пил кровь девственниц, насылал чуму на города и мор на скотину, вызывал из преисподней богопротивных тварей и скармливал им невинных людей. Сегодня мы, братство верных псов Господа нашего, положим конец твоим бесчинствам. Есть ли тебе, что сказать напоследок?

Последние слова Михаэля утонули в раскате грома.

– Глупцы, – хрипло рассмеялся варлок. – Наши с Поедуном души связаны. А демон – бессмертное создание. Вам меня не убить.

Монстр в клетке ощерился, словно подтверждая слова хозяина.

– А мы и не собирались. – Если ответ магистра и напугал чернокнижника, тот умело это скрывал. Светлые глаза Эрхара глядели надменно и дерзко, будто сам чёрт ему не брат. Хотя, возможно, всё совсем наоборот...

Михаэль дал знак, и братья подняли вверх святые распятия.

– Отец наш небесный! – слова молитвы вызвали улыбку тёмного чародея. Поедун зафыркал, и Габриэлю показалось, будто тварь смеётся. – Веруем во единого Бога Отца Всемогущего, Творца неба и земли, видимого всего и невидимого. Услышь нас и прими эти души, слитые воедино. Дай нам сил выдворить богопротивное зло за пределы сущего.

Ветер усилился. Демон взвыл. Эрхар разразился проклятиями и дёрнулся, но цепи крепко держали Душегуба.

– Exorcizamus te, omnis immundus spiritus, omnis satanica potestas, omnis incursio infernalis adversarii, omnis legio, omnis congregatio et secta diabolica! – Братья, все до единого, повторили священные слова. Магистр осенил беснующегося варлока крестом.

Гром сотряс землю. Тучи засверкали от молний. Моросящий дождь превратился в ливень. Псы господни речитативом повторяли молитву снова и снова.

– Изыди же! Измыслитель и хозяин всякой лжи, враг человеческий! – Магистр выхватил из потайного кармана крошечную ладанку и запустил её в клетку Поедуна.

Демон заревел так, что содрогнулись стены обители. Плоть монстра задымилась.

Эрхард прищурился и бросил на Михаэля взгляд, полный лютой ненависти:

– Я вернусь.

Молния ударила в столб из морёного дуба. Полетели искры. Пустошь утонула в голубоватом свете...

Габриэлу показалось, будто он ослеп. Но зрение вернулось через миг.

Обугленное тело Эрхара Душегуба безвольно повисло на цепях. Клетка Поедуна опустела...

– Мы избавились от него... – еле слышно прошептал Габриэл и перекрестился.

– Боюсь, это еще не конец, брат мой, – так же тихо отозвался магистр.

Глава вторая. Принцесса и влюбленный рыцарь

Стас Шумилов – интерн терапевтического отделения – не уставал повторять: «Ты, Вовик, тряпка!». Что ж, Шумилов – будущий врач, ему виднее. Сам же Вова себя тряпкой не считал. У него есть работа. Пусть не самая престижная, но стабильная. У него есть квартира. Убитая однушка на окраине Москвы, зато – своя. Даже машина есть – золотистая [Daewoo Nexia](#), хотя Стас называет его Ксюшу «гниющим зомбивагеном поносного цвета». Так что вовсе он не тряпка, а рыцарь. Влюбленный рыцарь, верный даме сердца. Да, дама сердца вьет из него верёвки, динамит, высмеивает, не ставит ни во грош и порой в упор не замечает. Но от этого не становится менее желанной и прекрасной. Женечка. Его принцесса...

Вова любил её, сколько себя помнил. Любил так сильно, что захватывало дух. Он всё ей прощал. Капризы, истерики, высокомерие, поклонников, имя которым – легион. Он забирал Женю из клубов пьяную вдребезги. Вozил по бутикам и салонам. Выгуливал её тупую псину и следил за давлением в шинах её белого кроссовера. Вова считал Евгению богиней. Она называла его «карманным парнем»...

– Тряпка ты, – ультимативно заявил Стас и всунул Вове в руку рюмку коньяка. – Выпей, отпустит. Я тебе как врач говорю. Она на твоих глазах с мужиками обжимается, а ты всё: «Женечка! Женечка!». Ты еще на задние лапки встань, для убедительности.

Они сидели в ординаторской у Стаса в больнице. Сегодня у Шумилова выходной, но он всё равно днюет и ночует в терапии. Упоротый трудоголик.

– Пей-пей! – подначивал будущий врач. – Вон до чего себя довёл. Лица нет. Решетникова известная стерва.

– Ты говори-говори, да не заговаривайся. – Рыкнул Вова. – А то я морду твою интерновскую сейчас вмиг подрихтую.

– Ишь ты, какие мы суровые мачо, – хмыкнул Шумилов, обновляя стопку. – Разуй глаза, Лухманов. Ты не мачо, а чамо. И я – твой друг – обязан донести до тебя сей прискорбный факт.

– Она уезжает, – похоронным голосом констатировал Вова.

– Вернётся.

– Не вернётся. Замуж выходит. В Америку.

– Это к лучшему. – Шумилов похлопал его по плечу. – Мы тебе бабу найдём. У меня вон тут сколько. Королева на королеве королевой погоняет. Наша Ленка вообще по тебе сохнет.

– Не нужна мне Ленка.

– Нужна. Не обязательно Ленка, а вообще... переключись. Ты заиклился, говорю как врач. Ты не любишь Решетникову, ты ей одержим, дубина!

Вова промолчал, но сжал руки в кулаки. Кто такой Шумилов, чтобы парафинить его богиню?

Стас уже приготовился произнести очередную мозговыносящую тираду, когда дверь ординаторской распахнулась. В проёме возникла медсестра Ленка. Худенькая, невысокая, курносая – серая мышь по сравнению с Женей.

– Стас, тебя там в восьмую просили подойти, – сказала она и улыбнулась. – Привет, Вов.

– Привет. – Еще Ленки ему сейчас не хватало.

– У меня вообще-то сегодня выходной, – буркнул Стас.

– И что же? – фыркнула Ленка.

– Я вообще-то подшофе.

– И что же? Топаи в восьмую, а я с Вовиком поболтаю.

Лухманов понял, что пропал, но Стас неожиданно пришел к нему на выручку.

– Нет уж. Со мной пойдешь. – Сказал и утащил медсестру за дверь. Правда, через секунду вернулся. – Не вздумай ей звонить. Понял?

– Понял, – кивнул Вова, нащупывая в кармане пиджака мобильный.

Вова дёрнул из больницы, пока Стас не вернулся. Нехорошо, но...

Женья отжигала в клубе Лаунж. Отмечала девичник. Понадобилось двадцать эсэмэсок и столько же звонков, чтобы она вышла «поговорить».

Какая она красивая. Какая красивая! Стройная, длинноногая. Золотые волосы почти до попы – такой упругой и аппетитной, что глаз не отвести. Натанцевалась. Грудь часто вздымается. Щеки покраснелись. Синие глаза блестят: пьяненькая...

– Ну? – Женья склонила хорошенькую головку набок: ни дать ни взять – куколка.

– Пройдёмся? А то здесь людно слишком. – Вова предложил ей руку, но Женья проигнорировала галантность. – Ты красивая сегодня.

– Я всегда красивая. – Женья тряхнула золотой гривой. – Ты что хотел?

– Поговорить...

– Говори.

– Не уезжай.

– Пф-ф-ф-ф! – фыркнула Женья. – Опять двадцать пять! Хочешь, чтобы я осталась с тобой? Жила в конуре в жопе мира и одевалась в секунд хенде?

– Я дам тебе всё, что захочешь. – Они свернули в проулок. Тёмный и такой тихий, что слышно было, как ветер ласкает листву. – Ты же знаешь, я люблю тебя...

– Если любишь, отпусти, – ответила Женья заплесневелой мудростью, почерпнутой в социальных сетях. Но даже такие банальности звучали в её устах волшебным.

– Я не могу без тебя, Жень. – Вова вдруг очень остро почувствовал себя тряпкой. Прав Стас. Прав...

– Зато я без тебя могу! – Решетникова остановилась. – Сколько можно уже? Вова! Ты мне не нужен! Не нужен! Я говорила тебе тысячу раз. Не люблю я тебя и никогда не полюблю, пойми ты это уже!

– Женья... Зачем ты так? – Вова попытался притянуть её к себе.

– Всё. Хватит! Руки убрал! – Женья шарахнулась от него и оказалась на проезжей части. – Отстань, Лухманов! Меня достали твои звонки, бесконечные эсэмэски, ночные бдения у клубов. Ты надоел мне до чёртиков! – Она уже кричала. – Не хочу тебя больше видеть. Никогда! Никогда!

Чёрная заниженная приора вылетела из-за угла так неожиданно, что Вова не успел ничего предпринять. Свет фар на мгновение вырвал из темноты стройную фигурку в коротком (на взгляд Вовы – даже слишком коротком) платье. Визг тормозов. Удар. Время замедлило свой ход. Будто во сне, страшном, кошмарном сне, Вова видел, как Женья отлетела на несколько метров и упала на асфальт, как изломанная кукла...

Вова закричал. Зарычал. Кинулся к Жене, да что он сообразит без Стаса? Лужа крови. Кровь повсюду... Голова вывернута на сто восемьдесят градусов... Туфли разлетелись.

Из приоры вылез представитель кавказской национальности. Не требовалось большого ума, чтобы понять: молодой горячий горец пьян в доску.

– Она сама э... – начал он, но Вову это не убедило. Лухманов сгреб горца за химок и прижал к машине.

– Сука!

– Кто сука, э... – пассажиры приоры поспешили на помощь водителю.

Вова не стал ждать у моря погоды. Прямым точным джебом вырубил Жениного убийцу и тут же получил под дых сам. Горцы накнулись на него втроём, а точнее – вчетвером: у них имелась бейсбольная бита. Она и решила дело...

Боль. Ужасная боль. Голова разрывалась от боли. Будто в затылок вкручивали ржавый лом. Тело ломило. Особенно рёбра расстраивали. Ну и отмудохали тебя, парень, подумал Вова, пытаясь сесть. Сколько же он пролежал так? Должно быть, совсем недолго: приора еще на месте. Женья! Они убили Женю! Сердце застыло в груди, заныло в унисон с рёбрами. Женечка...

Вова поморгал, всматриваясь в темноту. Кровавая лужа темнела на месте трагедии, а вот Женья...

Лухманов, кряхтя, перевернулся на бок, и еле сдержал крик. Он увидел Решетникову...

Его прекрасная принцесса, босая, в изорванном платье... сидела над тем, что еще недавно было водителем заниженного таза. Женья выгребала окровавленные внутренности из вспоротого брюха кавказца и... запихивала в рот, смачно чавкая...

Рядом, в неестественных позах, лежали трое выпотрошенных горцев. У одного изо рта торчал обломок биты...

Глава третья. До больницы далеко

До больницы далеко. Как до Вегаса пешком. Как до Нэшвилла верхом. Как до Марса на метро – до больницы далеко... (с) группа Мотив. До больницы далеко

Происходящее напоминало голливудский ужастик. В безлюдном проулке трещал единственный фонарь. Свет, неуютный и тусклый, привлекал мошкар и мотыльков.

Я брежу, подумал Вова, усилием воли сдерживая рвотный позыв. Это бред. Бред! Он часто заморгал, пытаясь прогнать наваждение. Но всё осталось по-прежнему: Женья пожирала человечину, будто курицу-гриль, периодически облизывая красные пальцы...

Что же это? Как же так? Может, это такой сейчас мейнстрим, а он не в курсе? Вова сел, тупо созерцая жуткое зрелище. Он даже о боли забыл. Захотелось убежать. Быстро и далеко. Но... Это же его Женечка...

Да у неё шок! – вдруг понял Вова. Точно! Посттравматический шок. Не зря, видать, Лухманов, ты сериалы смотрел. Нет. Не может он её бросить в таком состоянии!

– Ж-жень... – хрипло позвал Вова и, преодолевая страх и отвращение, заставил себя подползти ближе. – Женья...

Решетникова, поглощенная своим занятием, не обратила на него никакого внимания. Тогда он протянул к ней дрожащую руку.

– Ж-ж-жен-н-нечка...

– Аррррррррррррр! – зашипела Решетникова, раскрыв окровавленный рот. Вова, вскрикнув, шарахнулся в сторону. Да она повредила в уме! Бедная...

– Женечка, девочка моя любимая, – хрипло заворковал Лухманов. – П-проголодалась?

Евгения вскинула голову и уставилась на него пустым остекленевшим взглядом. Хорошо хоть, не шипит... Вова, нервно сглотнув, коснулся её плеча. Погладил, осторожно и ласково. Женья заурчала, поковырялась в останках горца и, жутко улыбнувшись, протянула Лухманову какую-то кишку.

– Н-нет, с-спасибо. Кушай лучше сама... – Боже! Боже мой! Что за бред он несёт? Однако Женья с довольным видом впила зубами в бурые потроха.

Когда она, наконец, перестала жевать, Вове всё-таки удалось оттащить её от трупов. Удалось-то удалось... А что теперь? Теперь что? Куда идти? Кому звонить? В полицию? Женьку точно посадят или запрут в психушке до скончания времён... Стас! Как же он сразу не сообщил? Ну конечно! Надо добраться до Шумиловской больницы. Срочно. Но как?

Взгляд упал на обездоленную приору. Ключи торчали в зажигании...

Если у древнеримского Януса – два лица, то у Москвы их сотни. Туристы видят золотые купола, галереи и площади, «понаехавшие» провинциалы – переполненные вагоны метро по дороге на тридцать три работы, представители замкнутой касты мажоров – бутики, салоны и клубы, один коктейль в которых обошелся бы «понаехавшему» провинциалу в половину месячного заработка.

Совсем другая Москва для таксистов. Умелый таксист способен спасти вашу судьбу, карьеру и даже личную жизнь. Полгода Вова Лухманов бомбил по ночам, чтобы преподнести Женечке в подарок полюбившееся колечко. Разумеется, шесть месяцев – не стаж для бомбилы, но Вова – коренной москвич – неплохо знал город.

Эти навыки пришлись сейчас как нельзя кстати. Пробираясь к Стасовой больнице пришлось козлиными тропами: первый пост, первый попавшийся мент с полосатой палкой мог погубить их элементарным вопросом.

« – Предъявите документы на автомобиль.

– Извините, машину мы угнали, а хозяев – съели...»

Вова содрогался от одной мысли о таком раскладе. Впрочем, жути добавляла и Женья. Он посадил Решетникову назад. Пристегнул – а то мало ли. И теперь любовь всей его жизни периодически мелькала в зеркале заднего вида, отчего становилось не по себе. Взъерошенная. Вся в крови. Женья ничего не говорила и... даже не моргала. Только улыбалась безумной улыбкой. Ужас...

Лухманов осторожно вёл приору дворами и переулками, то и дело проклиная моду на обрезание пружин. Машина, перебираясь через лежащих полицейских, чиркала днищем, рычала и упиралась. Вова матерился.

Он решил оставить многострадальный таз на замороженной стройке жилого комплекса, за восемь кварталов до больницы Шумилова. В бардачке, помимо страховки, отвертки и кучи всякого хлама обнаружились влажные салфетки. «Для пластиковых поверхностей, – значилось на упаковке, – Придают свежий ментоловый аромат». Сойдёт. Вова протёр руль, ручки дверей, рычаг переключения скоростей, а потом, с колотящимся от страха сердцем, Женину физиономию. Теперь Решетникова пахла мятой, но платье...

– Платье твоё никуда не годится, – угрюмо буркнул Лухманов, вытаскивая Женю из приоры. Вокруг было тёмно, тихо и безлюдно. Лишь недостроенные многоэтажные громадины таращились на них пустыми глазницами окон. – Вся перепачкалась.

Решетникова, не переставая совершенно по-идиотски улыбаться, схватилась за вырез и рванула расшитую пайетками ткань. Раздался треск.

– Э-эй! Ты чего? – шикнул Вова и осёкся. Белья под платьем не обнаружилось. Взгляд застыл на Жениной груди. Высокой, полной и аппетитной. Она всегда гордилась своим третьим размером. Розовые соски на прохладном ночном воздухе мгновенно сжались. Лухманов опустил глаза ниже, но стало только хуже. Чёрт! Что это за мода без трусов по клубам шастать? В паху мучительно заныло. Это ж надо так! Как бы джинсы не треснули...

– На вот. – Он снял пиджак и набросил на Женины плечики. – Прикройся. Пошли.

На этот раз Женья, не сопротивляясь, приняла его руку. Решетникова шла, пошатываясь. Спотыкалась на каждом шагу. Последний квартал Вова нёс её на руках. Наконец, они добрались до прибольничного сквера. Днём здесь прогуливались выздоравливающие, ночью на лавочках обжимались влюбленные. Сейчас, в четыре утра, аллеи пустовали. Тени бродили по тропинкам. Шелестела листва. Влажная от росы трава так и манила прилечь, раскинуть руки и устремить взор к гаснущим звёздам...

Вова усадил Женю на скамейку и набрал Шумилова.

– Да? – раздался в трубке хриплый голос.

– Привет, Стас. Спишь?

– Какой нах, сплю? – оскорбился будущий врач. – Я тут... оркестром дирижировал. Чего надо?

– Спустись. Мы тут с... э-э-э... с Женей. Дело есть. Важное.

– Ты с Решетниковой? – Стас аж взвизгнул. – Ну ты тряпка, Вован! Тряпка и есть! Нахер ты мне её сюда приволок? И дел никаких у меня с ней нет, не было и не будет! Идите в жопу.

– Стас...

– В жопу!

– Её машина сбила.

Тишина длилась меньше секунды.

– Иду.

Глава четвертая. Страшный диагноз

Лысина Стаса празднично поблёскивала в свете фонарей. Белый халат и стетоскоп дисгармонировали с затёртыми джинсами-трубами и кедами. На высоком лбу будущего врача обозначилась глубокая морщина. Шумилов курил, созерцая Евгению.

– Почему она так лыбится? – шепнул Стас Вова на ухо.

– Это ты мне скажи. Ты же врач.

– Неужто и впрямь умом тронулась? – Шумилов выпустил струйку сизого дыма и солдатски стряхнул пепел. – Давай по порядку, что и как произошло.

– Женю сбила приора на полном ходу, – чеканно отрапортовал Вова, скрестив руки на груди. Он решил строго придерживаться этой версии. – С тех пор она не говорит. Только... улыбается.

– А почему она голая? – Вот, Стас! Вечно ему надо до всего докопаться! – Её что, изнасиловали?

Вова замялся.

– Ну, всё ясно! – Шумилов смачно затынулся. – Это же Решетникова! Хвостом, небось, опять накрутила. В историю влипла. А ты, герой хренов, впрягся. Вон и морду тебе разукрасили.

– Никто никого не насиловал. И даже не пытался. Просто платье... порвалось. Ты посмотри Женю, ладно?

– Говорить не хочешь? – хмыкнул Стас, закатывая рукава. – Понятно всё с тобой. Ладно, посмотрю. Но магарыч с тебя.

– Идёт.

Близился рассвет. Чернота ночи таяла под лучами проснувшегося солнца. Безоблачное небо предвещало погожий денёк. Вова закрыл глаза и глубоко вздохнул. Какой свежий воздух. Будто и не в городе вовсе...

Стас скакал вокруг Жени. Решетникова сперва шарахнулась от интерна, но Лухманов её успокоил, объяснив, что «добрый доктор не сделает бо-бо» и она присмирела. Кто бы мог подумать... Когда Женька придёт в себя, в жизни не поверит!

Наконец, Шумилов закончил. Не сказав ни слова, проковылял к ближайшей берёзе и прижался спиной к стволу. Вытащил сигареты. Уронил. Первую прикурил фильтром. Вторую никак не мог выковырнуть из пачки: руки тряслись.

– Ты чего? – Вова подошел и помог другу.

– Это немыслимо, – еле слышно пробормотал Стас. – Случай, не знающий аналогов...

– Чего? Да говори же, хватит сиськи мять!

– Её ведь не сбивала машина, верно? – Будущий врач подозрительно побледнел. А бледнел Стас редко. Его вообще сложновато смутить.

– А что? – Вова напрягся. Краем глаза заметил, что Решетникова тоже вся как будто подобралась. Неужели слышит их разговор?

– Ни одного синяка! – выпалил Шумилов. – Ни одной ссадины. Никаких повреждений. Абсолютно! Кроме одного... – будущий врач положил руку Лухманову на плечо. – Крепись, друг. То, что ты сейчас услышишь...

– Да что же? – не выдержал Вова. Сколько можно туман наводить? Видит Бог, он пережил за эту ночь немало кошмарных моментов, и теперь вряд ли его что-то удивит.

Стас опустил на траву и увлек Лухманова за собой. Вцепился в рукав и зашептал:

– Она...мёртвая.

- Ч-чего?
- Решетникова твоя! Мёртвая. МЁРТВАЯ! Мёртвая-премёртвая, мертвее не бывает!
- Ты офигел, Шумилов? – Вова отдернул руку. – Совсем бухой?
- Да нет же! – Стас снова схватил его. – У неё сердце не бьётся! Совсем!
- У тебя просто стетоскоп сломался, – фыркнул Вова, щелкнув по прибору.
- Это у тебя мозг сломался! – огрызнулся Шумилов. – Чтобы пульс отследить, стетоскоп не нужен. – Говорю тебе: сердцебиение отсутствует как таковое. Зрачки не реагируют на свет. Я рекомендую немедленную госпитализацию. Немедленную! Можно еще консилиум собрать и...
- Слушай, Стас! – перебил Лухманов. – Не надо консилиум. Я Женю дома вылечу. Сам. Ты просто посоветуй какие-нибудь таблетки там, или витаминчики...
- Какие нахер витаминчики! – заорал Шумилов, но Вова зажал другу рот ладонью.
- Не ори, идиот! – рыкнул он. – И не болтай. Иначе...
- «Иначе» что? – Стас высвободился и гневно сверкнул глазами. – Ты что-то знаешь, да? Тебе что-то известно? Почему я должен молчать? Возможно, это мой шанс! Это потрясёт мир медицины!
- Заткнись! – гаркнул Вова и замахнулся, чтобы отвесить Шумилову оплеуху...
- Женя преодолела разделявшее их расстояние со скоростью пули. Схватила интерна за горло, оторвала от земли и прижала к берёзе. Острые ногти впились в плоть. По шее потекла кровь. Стас беспомощно болтал ногами и хрипел. Решетникова рычала и скалилась...
- Вова не растерялся.
- Держи рот на замке и не вякай, – отрезал он. – Не заставляй меня жалеть о нашем разговоре.
- Э-э-э-э... ы-ы-ы-ы... – промычал Шумилов. Глаза будущего врача вылезли из орбит.
- Женечка, милая, отпусти эту мразь. – Решетникова ослабила хватку, и Стас шмякнулся на землю.
- Я думал, ты мне друг, а ты...безумец! – прохрипел интерн и кивнул на Женю. – А она – мёртвая!
- Тебе всё равно никто не поверит, – пожал плечами Вова и нежно обнял любимую. – Нам пора.

Глава пятая. Сны и реальность

До дома Вова добирался на такси. Взъерошенная, полуголая Решетникова не вызвала у водителя никаких подозрений: сотни таких же возвращаются из клубов под утро каждый день. Целая армия зомби с размазанной под глазами тушью. Бомбила лишь заговорщицки подмигнул Лухманову: мол, кому-то сегодня перепадёт.

Во дворе сладко пахло липами. Воробьи умывались в лужах. Дворник неспешно шаркал метлой.

Вова расплатился, подхватил Решетникову на руки и потопал к подъезду. Слава Богу, обошлось без вездесущих бабушек.

Лифт, как всегда, не работал. Пришлось тащить Женю на шестой этаж.

У себя Вова первым делом набрал ванну. Горячую. С пеной. Усадил туда Решетникову и принялся мыть. Женья безропотно позволяла прикасаться к себе, отчего процесс вышел весьма фееричным. Зов плоти сводил с ума. Лухманов старался думать о футболе, о злобном начальнике и незавершённом проекте, о судьбе водителей приоры, но обнажённое женское тело под ладонями будило первобытные инстинкты.

Как же сильно я хочу её, думал Вова, смывая пену с Жениной спины. И как она теперь доступна. Податлива. Стас ошибся. Решетникова – не мёртвая. Она живая. Горячая. Такая горячая и такая... сладкая. Но это неправильно. Неправильно. Может, кто-то и воспользовался бы временным Жениным помешательством, но только не он. К тому же, Решетникова теперь ест людей. Мало ли, что взбредёт ей в голову во время секса.

Вова вздохнул и закутал свою Афродиту в мохнатое полотенце. Усталость валила с ног. Надо поспать. Но сможет ли он уснуть рядом с Женей?

Уснуть-то он уснул. Вырубился. Но очень скоро Вову разбудили. Причём, самым неожиданным образом: Лухманов проснулся от минета. Настолько обалденного, что прервать Евгению просто не посмел. Не смог. А Женья, перехватив его взгляд, улыбнулась и уселась сверху. Когда Вова подумал, что лучше уже быть не может, Решетникова развернулась к нему спиной...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.